

— В один прекрасный день в обсерватории мне принесли пакет в большом жёлтом конверте, на котором фломастером было написано по-английски: "Доктор Намгаладзе. Обсерватория ИЗМИРАН. Калининград. СССР". На конверте были наклеены японские марки и стоял штемпель журнала "Джорнэл оф геомагнетизм энд геоэлектрисити". Конверт был изрядно потрёпан, вскрыт, а потом снова заклеен. По почтовым штемпелям легко было установить, что он шёл 5 дней из Японии до Москвы и месяц от Москвы до Калининграда. В пакете находилась корректура нашей статьи с Б.Е., причём безо всякой сопроводительной бумажки. Я откорректировал текст, найдя несколько опечаток, и уже собрался отправить статью обратно, как (это произошло через несколько дней) пришло второе письмо из Японии в конверте поменьше, где содержалась просьба редакции срочно проверить корректуру и уточнить некоторые фразы и подписи к рисункам.

— Из Японии это письмо было отправлено вместе с первым. На конверте этого второго письма было подклеено несколько бумажек, по которым можно было восстановить нелёгкий путь письма, напоминающий броуновское движение молекулы. Сначала оно побывало в Калининграде нашем, то есть областном, но наши почтовые работники ничего не слыхали ни про какую "обсерваторию ИЗМИРАН" и отправили письмо в Калининград Московской области, откуда оно вернулось в Москву, где его, видимо, долго переводили и изучали, не зашифровано ли там какое-нибудь агентурное сообщение, потом его отправили в ИЗМИРАН, а оттуда уже в Ладушкин, после чего Гострему в ИЗМИРАНе сделали втык за то, что его сотрудники ведут переписку с границей в обход ИЗМИРАНа, а Гострем, соответственно, объявил выговор мне. Я оправдывался тем, что отсылку статьи оформлял Б.Е. через ПГИ, но моя фамилия стоит в титуле статьи первой, вот японцы и отправили статью на корректуру мне, а они же не знают наших порядков.

— Не знаю, сколько времени шёл мой ответ в Японию, но первый номер журнала за 1971 год, в котором была опубликована наша статья, вышел с большим опозданием, и японцы наверняка были не рады, что связались с нами. Но так или иначе, статья наша вышла в солидном журнале, японцы прислали нам кипу оттисков, и я был весьма горд. Мало того, после выхода статьи я получил запросы на неё (т.е. просьбы прислать оттиски) из университетов в Калгари (Канада) и Оулу (Финляндия). Значит, не ерундой всё-таки занимался.

В октябре пришла открыточка из ВАК, извещавшая, что меня утвердили в качестве кандидата физико-математических наук. Это означало, что при моей должности младшего научного сотрудника моя зарплата автоматически подсакивала с момента утверждения до 175 рублей в месяц. Правда, получать прибавку я начал только месяца через три, так как Гострем не отпускал меня из-за занятий в университете съездить за дипломом. Зато мне выплатили прибавку сразу за три месяца, и наша семья начала богатеть: я завёл сберкнижку. В университете, правда, моя почасовая оплата не увеличилась, для этого нужно было иметь не только учёную степень, но и учёное звание - доцента или профессора, и я по-прежнему получал 1 рубль в час за практические занятия и 2 рубля за лекции, которые мне изредка приходилось читать вместо Гострема. Тем не менее за какой-нибудь год мой заработок скакнул от 78 рублей аспирантской стипендии до 200 - 210 рублей, считая почасовые, и можно было начать мечтать о каком-нибудь приобретении.

Не в моём характере мечтать о чём-либо, лишённом хотя бы какой-то реальной основы. Теперь же у меня появилась вполне осуществимая мечта - приобрести... мотороллер. Тут нельзя не вспомнить нашу практику на заводе "Автозапчасть", которую мы проходили в девятом классе. В то время у одного из цехов всегда стояла чья-то "Вятка", их только начали выпускать. И так она мне нравилась, уж не знаю чем, - трудно описать. Тогда ведь появились первые чешские "Явы", сверкающие никелированными

боками бензобака, но мне почему-то больше нравилась "Вятка" своей непривычной, непохожей на мотоциклы формой с пузатыми задними крыльями, слитыми с корпусом. Я тайком от владельца сел на неё, брался за ручки руля и испытывал жгучее удовольствие, вот бы прокатиться! И никакой спецодежды не надо, всё закрыто от грязи, сидишь, как на кресле, и лёгкая, и не трещит, и красивая - именно своей оригинальностью, непохожестью на распространённые корявые "макаки" и "ижи".

— В общем, в "Вятку" я влюбился как нищий в принцессу - безответно, не надеясь ни на что, и продолжал ездить на нашем семейном дамском велосипеде. Потом эта романтическая увлечённость прошла, лишь поездка на заднем сидении мотоцикла от Симеиза до Севастополя напомнила однажды о ней, и вот теперь... А что? Не купить ли, в самом деле, мотороллер? Поднакопить можно за несколько месяцев, вещь нужная в хозяйстве, не просто баловство - и на рыбалки ездить, и за грибами, и в Калининград в университет на занятия.

— А тут ещё летом началась мотоциклетная эпопея у Тихомировых. Валя, как председатель сельсовета, имела в своём распоряжении тяжёлый мотоцикл "Урал" с коляской. Стасик быстро освоил езду на нём, часто возил Валю к ней на работу в совхоз "Ладушкинский", обучал её вождению своего персонального транспорта. Валя в процессе обучения, когда пробовала ездить одна, не раз попадала в критические ситуации - то на переезде застряла, то у самого нашего дома в кювет слетела, перелетела через ветровое стекло, разбив его, разрезала пальто, но сама лишь слегка ушиблась. Однако энтузиазма у неё эти происшествия не отбивали, и она часто ездила со Стасиком или Володей Степановым тренироваться на "берлинку" - прямое, как стрела, бетонное шоссе стратегического назначения, построенное немцами без пересечений с другими дорогами, точнее, развязанное с ними мостами, и проложенное вдали от населённых пунктов. Шикарная эта дорога теперь пропала в туну, упираясь в границу с Польшей, зато кататься по ней было безопасно.

— Был при Валином сельсовете ещё и мопед, который она отдала во временное пользование мне для начального приобщения к мототранспорту. Мопед был изрядно покурочен, но всё же ездил километра по два без остановки, после чего глох, и нужно было регулировать то карбюратор, то зажигание, к чему я и приучался помаленьку. На мопеде я с удовольствием гонял по лесным тропинкам, мечтая, как вскоре пересяду на свой мотороллер.

— Водительских прав ни Стасик, ни Валя не имели, ездили без шлемов, их тогда не обязывали надевать. Водительские курсы в Ладушкине организовывались обычно весной, и пока они тренировались в окрестностях Ладушкина, где встреча с ГАИ была маловероятна, а местный участковый смотрел сквозь пальцы на их катания, будучи хорошим знакомым обоих.

— Добром эти тренировки, конечно, не кончились. Как-то вечером к нам зашёл Юра Шагимурагов - сам не свой, бледный - и еле выдавил из себя:

— Тихомировы разбились.

— Как разбились?

— Не знаю. На мотоцикле. Звонили из мамоновской больницы. Валя в тяжёлом состоянии.

— А Стасик?

— Не знаю, подробностей никаких не сказали.

— Мы дозвонились до больницы, узнали, что Валю на мотоцикле привёз Стасик, у него ушибы, но ничего серьёзного, и его отправили уже домой. Валя же лежит без сознания с тяжёлыми травмами головы. Часа через два появился Стасик.

— Угробил я Вальку, - всё, что только и смог тогда сказать он.

— Валя, однако, выжила. Но черты лица её и психика резко изменились после этой аварии, что особенно было заметно в первые года два, затем как-то всё сгладилось, даже шрамы, а тогда, в первые месяцы, не говоря уже - недели, смотреть на неё было страшно.

— Подробности мы узнали от самого Стаськи позже, через несколько дней, когда непосредственная угроза жизни Вали миновала, а потом и сама Валя вспоминала, как всё произошло.

— Они ехали вечером домой по просёлочной булыжной дороге, ведущей лесом из совхоза к основному нашему "мамоновскому" шоссе. Скорость была километров 50 в час, для такой дороги большая, Стасик за рулём, Валя в седле сзади.

— И тут я сам не пойму, что такое, задумался, что ли, - рассказывал Стасик, - гляжу, еду уже по обочине, а впереди дерево. Слышу, Валька кричит: - Ты куда? - и - трах! Валька через меня и лицом прямо на булыжники, а я в мотоцикле остался. Врезались мы в дерево растяжкой между мотоциклом и коляской, правую ногу мне зажало, не могу вылезти. А Валька на дороге стонет. По дороге шли какие-то люди из совхоза, помогли мне вылезти, мотоцикл вытащили. Вальку в коляску посадили, мотоцикл завёлся, и я её повёз в Мамоново. На лицо её смотреть страшно: месиво сплошное, кровью залито, и кровяца всё хлещет. Еду и думаю - убил я её, гад. Как доехал, сам не пойму. Потом уже почувствовал, что ногой пошевелить не могу. А она, когда ехали, в сознании была, стонала. Потом, говорят, в больнице, когда обрабатывать начали, - билась и матом ругалась.

— Покалечилась Валя сильно: общий ушиб лица, трещина в лобной кости, сломан нос, повреждены зубы, рваные раны на губах, повреждение основания черепа, сотрясение мозга. Когда мы её первый раз навестили в больнице, смотреть на её лицо было трудно - сплошной сине-жёлто-чёрный бугор какой-то там, где не забинтовано. Потом, когда отёки спали, гематомы рассосались, лицо приняло человеческий вид, но черты лица сильно изменились из-за общей его сплюснутости, даже глаза как-то раздвинулись, не говоря уже о шрамах. С годами, однако, оно медленно возвращалось к своей прежней форме, и когда последний раз я видел Вальку, лет через восемь после этого несчастного случая, даже шрам на лбу не бросался в глаза, а лицо в целом выглядело для её возраста вполне свежим, хотя и отличающимся от того, которое было у неё до аварии.

— В больнице, а потом уже дома Валя долгое время страдала сильными головными болями. Стасик обхаживал её как мог. У него даже исчезла привычная для всех грубоватая манера разговаривать с Валею, на которую, впрочем, она никогда не обижалась, он взял на себя все хлопоты по домашнему хозяйству. Где-то через год у них родился второй сын, пречудеснейший парень Федька, любимец Сашули.

— Несчастный случай с Валею не охладил, однако, моего желания обзавестись мотороллером, я продолжал копить деньги, рассчитывая набрать необходимую сумму к весне. Ну, а аварии - и не такие ещё бывают, слава Богу, живы остались.

([продолжение следует](#))